

— Тянь-санлан, вы после нас всё равно пойдёте к семье Сюн за пирогами?

— Конечно пойду. Сюн-фулан, если что — говорите, чем помочь.

Тан Шоу улыбнулся:

— Тогда передайте, пожалуйста, вот эту банку соевого масла, а заодно скажите моей свекрови и остальным, чтобы, как только управятся, пришли сюда — нужно обсудить одно важное дело.

— Пустяки! Не беспокойтесь, всё передам как надо.

Тан Шоу уселся на новый низенький табурет, который совсем недавно сделал Сюн Чжуаншань, и, покачивая ногой, задумался. Домашние условия всё ещё неважные, сколько ни зарабатывай — всё уходит ни на что. А этот Сюн Чжуаншань... ест за троих, настоящее ведро без дна!

Только он о нём подумал, как над головой уже возникло знакомое лицо.

Сюн Чжуаншань втащил в дом какой-то предмет, и, поставив на пол, спросил:

— Фулан, вот ты говорил — стул. Это тот, про который ты говорил?

На полу стояло изделие, в точности повторяющее по описанию стул из будущего. Сюн Чжуаншань действительно сумел сделать его — пусть и без узоров, без глянцевой краски, но форма была та же, до последней черточки.

В доме были только низкие скамеечки, и Тан Шоу каждый раз, садясь на них, чувствовал себя неловко — и спина затекает, и работать неудобно. Теперь же его глаза засияли. Он обошёл стул по кругу, осмотрел со всех сторон, затем сел — прочный, широкий, спинка удобная, опереться можно с комфортом.

— Сюн-фулан, а если я принёс соевые бобы, можно ли поменять на соевое масло? — с улыбкой спросил Чэнь-сылан, за плечами у него болталась наполовину наполненный мешок с бобами.

Тан Шоу в это время сидел с видом царя: на новеньком стуле, что только что сделал Сюн Чжуаншань, в безрукавке из волчьей шкуры, а под ним — подстилка из шкуры дикой горной козы. Удобство — хоть пир принимай. Чэнь-сылан, увидев такую картину, аж позавидовал.

Тан Шоу покачал головой:

— Пока у нас бобов хватает, так что бартер не принимаем. Если хочешь соевого масла — только за деньги. Два вэня за чашку.

Сзади, в очереди за маслом, кто-то из мужчин хмыкнул:

— Эй, Чэнь-сы, ты ж в последнее время неплохо подзаработал, и всё с семьёй Сюн связано. Сюн-фулан же с самого начала объявил: за соевое масло только деньги, а ты притащился с бобами! Не жадничай, ну!

Чэнь Сы не обиделся — с таким великаном, как Сюн Чжуаншань, который стоял рядом и поглядывал на него исподлобья, спорить не хотелось. Он послушно достал два вэня и чашку для масла и протянул Тан Шоу.

На деле он и не думал, что получится обменять — просто решил попытать счастья. Дома сои навалом, а масло каждый день всё равно не ешь — слишком тяжело на желудок.

Обычно деревенские приносили свои большие чаши, но сколько бы они ни были по размеру, Тан Шоу всегда наливал ровно столько, сколько вмещал его собственный мерный сосуд.

Чэнь Сы взглянул в миску — не доверху, не хватало примерно на толщину пальца. Ничего не сказал, забросил мешок обратно на плечо и ушёл. Бобы, раз семья Сюн не берёт, можно отнести в семью Ло — они тофу делают, сои там нужно много.

— Сюн-фулан, налейте мне две чашки, на четыре вэня, — сказал очередной покупатель.

— Хорошо, — кивнул Тан Шоу.

В это время к дому в основном приходили именно за соевым маслом. За пирогами обычно приходили с утра пораньше — им ещё нужно было успеть на рынок в уездный город, чтобы продать товар. Провожая очередных покупателей, Тан Шоу с облегчением вздохнул: в доме наконец-то стало тихо. Он откинулся на спинку стула и с удовольствием наблюдал, как Сюн Чжуаншань мастерит очередную вещь.

На вид Сюн Чжуаншань был простоватый деревенский мужик, грубый, сильный, но как только брался за дерево — становился настоящим мастером. Стоило Тан Шоу сказать, что паровых корзин не хватает, как тот тут же сделал несколько штук. Чтобы Тан Шоу не обжигал руки, ручки у пароварок он сделал широкими и гладкими, тщательно отшлифованными, без единой занозы. Попросил Тан Шоу лопатку для еды — получил сразу три-четыре. А кое-что и сам делал без напоминания: выточил палочки для еды, ложки, всё — аккуратное, гладкое, даже с резьбой. Хоть резьба и была не такая изящная, как у городских мастеров, но всё равно смотрелось приятно.

— Я бы ещё хотел прилавок, — сказал Тан Шоу.

Сюн Чжуаншань отложил инструмент, поднял голову:

— Какой именно?

Тан Шоу, показывая руками, прикинул:

— Вот такой высоты — примерно до груди, шириной шага на три. Спереди сплошная доска, а сзади четыре полки. Так мы сможем красиво выставить товар, и покупателю достаточно будет просто ткнуть — мол, хочу вот это. Сейчас зима, пусть пока так, а в следующем году, когда потеплеет, сделаем ещё одну комнату снаружи, возле кухни. Отгородим дом от торговой части, и те, кто приходит за товаром, будут только в передней. Так и удобнее, и чужие не будут шастать по дому — а то нынче кто ни попадя заглядывает, всё напоказ, ни уюта, ни приватности.

Сюн Чжуаншань не совсем понял, что за слово такое — приватность, но по смыслу уловил. Больше всего ему понравился не сам план, а как Тан Шоу говорил — в следующем году. Простой оборот речи, но звучал он так, будто речь шла о долгом совместном будущем. От этих слов у него сразу стало тепло на душе, внутри всё налилось радостью и решимостью.

— Хорошо, — с готовностью откликнулся он. — Весной, когда лёд сойдёт, сразу займусь.

— Тогда ещё нужно будет сделать теплую стену и подогрев пола.

— Теплую стену и подогрев? Если знаешь, как устроено — расскажи, я сделаю. А если только слышал, но сам не знаешь — я сам поспрашиваю. Только я ни разу не слышал про такие штуки. Разве что про «земного дракона» — такие, говорят, есть в домах у богатых и знатных.

— Подробно я, конечно, не умею... но видел, точнее, читал об этом. Нет, смотрел чертежи. Примерно представляю, как это устроено.

— Ну и отлично. Если ты можешь описать хотя бы в общих чертах — я сумею сообразить, как сделать.

Пока они разговаривали, подошли Чжан-апо и остальные члены семьи — только что закончили свои дела. Они хоть и не знали, по какому делу их позвал Тан Шоу, но отнеслись к приглашению очень серьезно — всё-таки вся их нынешняя удача с мастерством напрямую зависела от него.

Даже Чжан-апо, прежде не слишком доброжелательная, теперь заговорила с ним чуть мягче и вежливее:

— Сяо Шоу, ты нас звал — дело какое-то есть?

Сяо... шòу?

Маленький... шòу?!

Она меня... «маленьким шòу» называет? Это что, раз я снизу, теперь можно и в открытую?

(ПП: в имени Тан Шоу иероглиф 寿 - «долголетие», но можно перепутать с 休 - «пассив»)

— Не смейте так меня называть! — громко воскликнул Тан Шоу. Это было слишком унижительно — он же прямой, гетеросексуальный мужчина!

Вокруг все переглянулись, особенно смутилась Чжан-апо. Её щеки тут же залила краска. Она ведь просто хотела немного задобрить супруга второго сына, подсластить общение, поэтому и обратилась к нему чуть теплее, по-семейному. А он... закричал на неё! Чжан-апо почувствовала сильную обиду.

Но Тан Шоу и сам после выкрика понял, что перегнул. Замахал руками, поспешно заглаживая:

— Нет-нет, простите! Я не это имел в виду! Понимаете... в моих краях сочетание этих двух иероглифов — «сяо шòу» — это крайне-крайне уничижительное обращение к мужчине. Это... это как если бы мужчину унижали, принижали, сравнивали с женщиной. Я просто вспылел, не со зла.

Он действительно болезненно воспринимал подобные намёки — уж слишком сильно они задевали его. Всё из-за его имени. В школьные годы многие одноклассники из-за него подшучивали, называли его сяо шòу, как прозвищем для пассивного парня в гомосексуальной паре. Тан Шоу это откровенно ненавидел, у него была стойкая неприязнь к этому слову.

Хотя он много раз объяснял, что его шòу вовсе не тот, что обозначает «принимать» или «покоряться», а другой — тот, что изначально значил «худой». Его родители оба были очень полными — весом под триста цзиней, и им никак не удавалось похудеть, даже если они почти ничего не ели.

Первый сын родился тоже пухлым с младенчества, всю жизнь страдал от насмешек.

А вот Тан Шоу появился на свет случайно — мать не планировала второго, но когда узнала, было уже поздно что-либо предпринимать. Родители страшно переживали, что и второй ребёнок унаследует их полноту, поэтому и молились, и просили богов, чтобы дитя родилось худым.

И вот, когда пришло время дать имя, они решили, что для удачи лучше всего будет назвать ребёнка Шòу — «худой». Только потом им показалось, что такой иероглиф слишком прост и как будто безграмотный, и они заменили его на Шòу с другим написанием — с тем, что означает ещё и «долголетие», но звучит точно так же.

Так и стал он Тан Шоу — с именем, которое носит в себе надежду на стройность и долголетие.

Тан Шоу и впрямь не подвёл родительских надежд — с самого рождения он был худощавым, высоким, стройным и так ни разу в жизни и не узнал, что такое быть толстым. Это настолько раздражало его старшего брата, что тот чуть было не решил тоже добавить в своё имя иероглиф «худой» — в знак зависти.

— Ох... ничего, — промямлила Чжан-апо. Хоть в душе у неё и оставался осадок, но она увидела: Тан Шоу и вправду не хотел её оскорбить.

— Мать, прости нас, — вмешался Сюн Чжуаншань. — Мой супруг не со зла, правда. Не держи зла. Зовите его, как раньше — «эрлан-фулан» (супруг второго сына). А это слово... раз оно значит оскорбление, то и говорить больше не будем.

— Поняла, — буркнула мать, чуть нахмурившись.

Да уж, любой, кого с младшей школы донимают кличкой сяо шòу, в душе наверняка останется с раной. Так что вспышка Тан Шоу была вполне объяснима. Он уже извинился, но другой возможности как-то смягчить ситуацию пока не находилось. Тогда он перевёл разговор:

— Отец, мать, я позвал вас сегодня, чтобы поговорить о рецепте орехового печенья. Я решил... передать его вам.

Четверо человек из семьи Сюн тут же застыли от изумления. Про обиду моментально забыли — их тряхнуло, как от грома среди ясного неба. Они тут же замотали головами.

Те четыре вида сладостей, что Тан Шоу уже открыл им, и так принесли семье Сюн неслыханные доходы. Они теперь относились к этим рецептам как к фамильным драгоценностям, что передают из поколения в поколение, строго хранили их, никому не раскрывая даже намёка. А теперь он хочет ещё и ореховое печенье им отдать?..

Рецепт орехового печенья... да ведь его и в уезде никто не знает.

Чжан-апо тут же о чём-то задумалась, в глазах мелькнуло подозрение.

— Эрлан фулан, не стоит, — сказала она мягче. — Я понимаю, ты не со зла, я не держу зла. Но этот рецепт... передавать его нам не нужно. Скорее всего, это ваша семейная традиция, такие вещи обычно передаются по мужской линии, а не на сторону. Наверное, родные передали его тебе с любовью, чтобы ты после свадьбы жил зажиточно. Ты должен беречь этот дар и потом передать его детям, которые родятся у тебя с вторым сыном. А если всё отдашь нам, а твои родные об этом узнают — ещё обидятся.

Тан Шоу понял, что она его неправильно поняла:

— Нет-нет, вы не так поняли, это не ради извинения. Я вовсе не потому хочу передать вам рецепт орехового печенья. Мы с... с мужем это ещё раньше обсудили. — он быстро поправился, вспомнив, как мать раньше резко реагировала, когда он называл Сюн Чжуаншаня по имени.

Поймав взгляд Тан Шоу, Сюн Чжуаншань сразу вступил:

— Да, супруг мне об этом говорил ещё давно. Его замысел такой: отдать вам рецепт орехового печенья, а вы взамен передадите прежние четыре рецепта семье младшей сестры.

— Нет! Этого нельзя! — тут же вспыхнула мать. — Семейные рецепты — это святое! Как можно отдавать их посторонним?! — воскликнула она. — Ни за что! Запомните, я сказала: держите эти рецепты при себе, никому, особенно четвёртой, ничего не давать!

То, как говорила Чжан-апо, вовсе не значило, что она не любит дочь. Просто уж так сложилось издавна: участь женщины всегда была непростой — в родительском доме она чужая, выйдет замуж — и в доме мужа чужая.

— Мама, — мягко сказал Сюн Чжуаншань, — у семьи четвёртой сестры дела и правда идут неважно. Но ведь она всё равно моя младшая сестра. Пусть этот рецепт станет для неё как бы приданным от брата.

До этого молчавший отец Сюн тоже вступил:

— Нет. Об этом и речи быть не может. Передашь этот рецепт четвёртой дочери — значит, он уйдёт в семью Чжао. А потом и вовсе станет достоянием семьи Сун, к нам, к семье Сюн, это уже никакого отношения иметь не будет.

Тан Шоу, хоть и не разделял мыслей о том, что «мужчины важнее женщин», но понимал, откуда растут корни подобных суждений.

— Мама, отец, я понимаю, что вы хотите сказать. Но вы выслушайте меня, а потом, если всё равно будете против — я откажусь от этой идеи.

По выражению лица Чжан-апо уже можно было понять: что бы он ни сказал — даже если выкрутит на словах золотую розу — они будут против. Она сухо кивнула:

— Говори.

— Я понимаю, — начал Тан Шоу, — что вы опасаетесь не самой четвёртой дочери, а семьи Сун. Поэтому мой замысел такой: я передам ей рецепт, но при одном условии — Чжао, а затем и семья Сун не должны его получить. Этот рецепт — это приданое, которое семья Сюн дарит своей дочери, четвёртой сестре. Он принадлежит ей лично. В будущем она может передать его своим детям — неважно, мальчикам или девочкам, — но она не имеет права раскрывать его

никому из семьи Сун, включая собственного мужа, Сун-эрлана.

— Я всё равно против, — решительно заявила мать. — Дети у четвертой дочери — это ведь тоже семья Сун. В итоге всё равно рецепт достанется им.

Тан Шоу с трудом сдержал вздох. Он знал, как сложно переубедить людей, чьё мышление десятилетиями зиждется на патриархальных устоях. Но всё же попробовал объяснить:

— Мама, дети четвертой сестры, да, они по фамилии из семьи Сун, но ведь по крови — это и дети семьи Сюн. В их жилах течёт ваша кровь, кровь семьи Сюн, не меньше, чем кровь Сун.

— Но фамилия-то у них Сун, а не Сюн! — не преминул вставить отец.

В глазах старшего поколения фамилия значила всё. Женщина, выйдя замуж, считалась навсегда покинувшей родной дом, и даже исключалась из родословной книги. С этой стороны их переубедить было невозможно — и Тан Шоу понял, что остаётся только одно: давить на чувства.

— Но четвертая сестра всё равно остаётся вашей дочерью, вашей кровинкой. Разве вам не больно, когда вы видите, что она там, в доме мужа, живёт плохо? Конечно, вы помогаете — сегодня, завтра... но вы не сможете делать это всегда. Я не хочу помогать семье Сун. Я хочу помочь ей — вашей дочери. А её дети... они ведь ваши внуки. Они наши племянники — и мои, и Чжуаншаня. Разве плохо, если они смогут жить чуть легче, не бедствовать? Разве не естественно, что дядя хочет помочь племянникам? Я не для семьи Сун, я для своей семьи хочу сделать добро.

Чжан-апо продолжала качать головой, отец тоже остался непреклонен.

В конце концов заговорил сам Сюн Чжуаншань:

— Я уже принял решение. Всё будет так, как хочет мой супруг. Это его мастерство, а не собственность семьи Сюн. Он вправе передать его кому пожелает, и мы не имеем права вмешиваться.

Тут отец с матерью Сюн и вправду не нашли, что сказать. Ведь действительно — рецепты были от Тан Шоу, и он вовсе не стал скрывать их, а наоборот, щедро поделился с семьёй. Если задуматься, в своё время семья Тан, должно быть, очень любила и ценила этого шуангэра, раз не только не пожалели семейного мастерства, но и позволили забрать его с собой в дом мужа. Наверняка, делали это в надежде, что, имея за спиной такие знания, Тан Шоу не будет унижен в новой семье.

И теперь, если сравнить, становится видно, насколько жестко они сами обращаются со своей четвертой дочерью. Отец с матерью, хоть и не смирились душой, но аргументов для

возражения уже не находили.

— Рецепты, что у нас, всё равно уже наполовину разошлись, — буркнула мать. — Отдать их четвёртой дочери не такая уж и потеря. А вот рецепт орехового печенья пусть уж тогда останется семье Сюн.

Отец Сюн тоже смягчился, но сказал с опаской:

— Эрлан-фулан, а как ты убедишься, что четвёртая дочь не передаст рецепт семье Сун?

— Такой рецепт, — спокойно ответил Тан Шоу, — как раз и нельзя передавать тайком. Нет, наоборот — об этом нужно заявить громко. Чем больше людей узнают — тем лучше. Надо собрать всех из семьи Сун, официально, при свидетелях, и разъяснить: этот рецепт — приданое четвёртой сестры, её личная собственность. В дальнейшем она может передать его только своим родным детям. Если кто-то из семьи Сун решит украсть или выманить этот рецепт — семья Сюн будет вправе вмешаться. И, если потребуется, мы даже заберём четвёртую сестру обратно в родной дом.

— Забрать её обратно в родительский дом? — ахнула Чжан-апо, прикрывая рот рукой. — Но ведь это всё равно что развод! Это же позор на всю деревню!

Быть изгнанной из семьи мужа — в их глазах это было страшным унижением, почти клеймом на всю жизнь.

Но Тан Шоу сказал твёрдо и с полным достоинством:

— Нет, мама, вы не поняли. Это не её выгоняют, это она подаёт на развод. Это четвёртая сестра разводится с мужем!

— Она разводится?! — переспросила мать в полном смятении, словно впервые в жизни услышала о таком. — Разводится с мужем?.. Женщина?.. Сама?..

— Да, именно так. Разводится сама. Мы не собираемся уступать в этом вопросе. Наш подход должен быть жёстким и решительным, чтобы семья Сун поняла — жена из семьи Сюн — это не та, кого можно просто использовать и третировать. А четвёртая сестра должна знать: её родительский дом — это всегда её дом. Брак не делает её чужой, и не лишает поддержки. Она никогда не будет чужой — ни в доме мужа, ни в своём родном доме. Она дочь семьи Сюн — и это навсегда. Семья Сюн всегда будет стоять за ней горой!

— Никогда не будет чужой в родительском доме... — повторила Чжан-апо, и в её глазах проступили слёзы. Они налились красным, как от долгой сдерживаемой боли. Она сама была женой и матерью, прошла через десятилетия унижений от свекрови, пока, наконец, не заняла в доме своё место. Всё, что терпела — молча, стиснув зубы, плача ночами под одеялом. Ни разу

за все эти годы никто не сказал ей таких слов.

Если бы тогда кто-то сказал ей это... разве не по-другому сложилась бы её жизнь?

Глаза у Чжан-апо непроизвольно увлажнились. В её взгляде, обращённом к Тан Шоу, появилась новая нотка тепла. Она прожила жизнь в обиде, в молчаливом страдании, и лишь под старость, благодаря супругу её второго сына, поняла: всё, чего ей хотелось всю жизнь — это услышать всего одну фразу: что бы ни случилось, у неё всегда есть дом, куда можно вернуться.

— Эрлан-фулан, — голос её чуть дрогнул, — я согласна. Передай этот рецепт четвёртой дочери. Нам главное — защитить её от семьи Сун. Если они, получив от нас такой подарок, всё равно посмеют её обидеть, пусть тогда она станет первой женщиной в мире, что сама выгонит мужа!

Тан Шоу не ожидал, что все его убеждения и доводы не произведут такого эффекта, как одна-единственная фраза. Но именно она растопила сердце.

Отец Сюн, глядя на жену, словно что-то понял для себя. Третий брат тоже задумался, а старший — будто замер в собственных мыслях.

— Нужно сразу объяснить семье Сун, — продолжил Тан Шоу. — Мы передаём рецепт четвёртой сестре не для того, чтобы она вкалывала на всю их семью коровой и лошастью. Да, у неё есть обязанность заботиться о пожилых родителях мужа — и с этим мы не спорим. Но она не обязана содержать его братьев и сестер. Всё, что она заработает, делится пополам: одна часть — на родителей, и как они ею распоряжаются, мы не вмешиваемся. А вторая половина — её личные средства, её собственность. Это приданое от семьи Сюн, и никто не имеет права на него покушаться. Когда наступит раздел имущества — никто не смеет использовать этот заработок как повод урезать её долю. Если они посмеют — мы вправе потребовать всё обратно, включая компенсацию.

— А согласится ли семья Сун на такие условия? — с сомнением спросила мать.

Больше всех понял суть третий брат:

— Мама, если только семья Сун не совсем глупа — у них нет причин отказываться. Им буквально предлагают деньги с неба. В этой стране никто не отдаёт семейные рецепты за просто так, ещё и в приданое. Если об этом разнесётся слух — нас все будут считать дураками.

Мать кивнула, просветлела:

— И верно, я, кажется, совсем не с той стороны смотрела... Вот и решено. Только нужно обязательно позвать свидетелей. Лучше всего — старост из деревни Сюн и деревни Чжао, пусть официально засвидетельствуют. Тогда, если семья Сун попробует отвертеться — мы им

этого не простим.

<http://bllate.org/book/13592/1205347>